

Сократ, Платон, Аристотель

«Tout est dieux ou divin chez ce trop divin Platon» («Все — Бог или божественно у этого чересчур божественного Платона»).

Auguste Diès

Новейшие публикации по истории античной философии кумулятивно указывают не столько на гносеологическую функцию философского знания, сколько на пропедевтическую миссию самой философии. Внутренней целью и энтелехией последней оказывается именно изменение человеческого существа к лучшему, его прогресс на пути интеллектуально-духовного развития, катарсическое очищение и последующий контакт с трансцендентной реальностью, поднимающий его на более высокий онтологический уровень бытия.

1. Бог Сократа: пайдейя как синусия

Сократ (469–399 до н. э.), сын скульптора Софрониска и повивальной бабки Фенареты, афинянин, из дема Алопеки¹. Порфирий пишет², что в отрочестве Сократа его жизнь нельзя назвать благопристойной, но в 17 лет он познакомился с Архелаем (учеником Анаксагора), возле которого оставался много лет; Суда утверждает, что Сократ был сначала учеником, а затем стал и любовником последнего³. Вняв, по собственному признанию, призыву бога, Сократ сделался духовным наставником афинян и олицетворением философии.

Многие современники отмечали парализующее или, как они это называли, медузирующее воздействие Сократа на своих собеседников, но секрет и механизм этого феномена до сих пор детально не исследовался. В связи с этим эвристичной представляется статья Г. Тарранта

¹ См.: Д. Л. II, 18.

² См.: У Кирилла Александрийского: История философии. Фр. 12 Наук.

³ См.: Суда (ссылаясь на Аристоксена — фр. 52 Верли). Сократ.

(H. Tarrant)⁴, в которой на основании анализа новейшего критического издания Марком Джойелом (M. Joyal) диалога Платона «Феаг»⁵ показана решающая роль именно личного пребывания обучающегося вблизи харизматической личности Сократа (т. е. любого аналогичного Учителя) для инициации успеха пайдейи. Более того, Тарронт показывает, что причиной такого влияния античного философа на свое окружение является не столько он сам, сколько действующая через него сила божества.

Несмотря на то что есть основания отнести «Феаг» к платоническим диалогам, созданным в Академии Полемона⁶ уже после смерти Платона⁷, предположительно в период 300–275 гг. до н. э.⁸, содержащиеся в нем сведения углубляют знания о механизмах обучения, практиковавшихся в Древней Академии. Главный интерес представляет часто используемый здесь термин *συνουσία*, семантика которого в том числе характеризует качество педагогического воздействия Сократа как на тех, кто участвует в беседах с ним, так и просто находится рядом. Отношения наставник — ученик первоначально являются частью значений понятия *συνουσία*, или «бытия вместе с». Не исключено, замечает Тарронт, что это же существительное было эвфемизмом сексуального отношения, хотя оно регулярно использовалось и для обозначения интеллектуальных занятий с учителем⁹. От Гомера и до V в. до н. э. *συνουσία* могла также означать совместное нахождение для винопития и секса, но в «Феаге» это слово используется для обозначения совместного нахождения в смысле: 1) образовательных целей; 2) повторяющихся встреч; 3) отношения между учеником и его ментором¹⁰. Тарронт также предлагает рассмотреть этот термин в связи с ролью повитухи, которую Сократ приписывает себе, когда объясняет, какие услуги он предлагает. Как и настоящая повитуха, он ассистирует беременным индивидуумам, что также может обозначаться в виде *συνουσία*, так как включает в себя как тесный физический контакт, так и беседу¹¹. В диа-

⁴ Tarrant H. Socratic Synousia: A post-platonic Myth? // J. of the History of Philosophy. Baltimore, 2005. Vol. 43. № 2. P. 131–155.

⁵ Joyal M. The Platonic Theages: an introduction, commentary, and critical edition. Stuttgart, 2000. 335 p.

⁶ Dillon M. J. The Heirs of Plato: A Study of the Old Academy (347–274 BC). Oxford, 2003. P. 168–173.

⁷ Joyal M. Op. cit. P. 121–134.

⁸ Tarrant H. Op. cit. P. 131, 145.

⁹ Robb K. Literacy and Paideia in Ancient Greece. N. Y.: Oxford Univ. press, 1994. P. 197–213; *Idem*. Asebeia and Sunousia: The Issues Behind the Indictment of Socrates // Plato's Dialogues: New Studies and Interpretations. Lanhara: Rowman and Littlefield, 1993. P. 77–106.

¹⁰ Tarrant H. Op. cit. P. 133.

¹¹ *Ibid.* P. 137.

логе «Феаг» наибольший интерес, считает Таррент, привлекает концепция божественного или почти божественного контроля над тем, начнет ли молодой человек свои занятия с Сократом, будет ли их продолжать и получит ли от этого какую-либо пользу. В связи с этим рассматривается детальное описание в «Теэтете» близости деятельности настоящей повитухи и повивального искусства Сократа; в 149 b 5–с 4: повитуха сама уже не способна зачать, — 150 с 3–8 (ср. 157 с 7–8): Сократу также запрещено самому «зачинать». 149 с 5–с 8: повитуха искусна в различении тех, кто беременный, — 151 b 2–3, b 7–8 (ср. 148 e 6–7, 157 d 2–3): Сократ также может сказать, кто интеллектуально беременен, а кто — нет. 149 с 9–d 4: повитуха имеет лекарства и свое колдовство для стимулирования и облегчения родов, увеличения фертильности или провоцирования выкидыша — 151 a 8–b 3 (ср. 157 с 9–d 2): Сократ умеет стимулировать «роды» и прекращать их. 149 d 5–50 a 6: повитухи знают, какие мужчины могут произвести лучших детей для их клиентов — 151 b 3–6: Сократ умеет аранжировать полезные интеллектуальные «введения». При этом в (150 d 4–5) указывается, что значительный прогресс делают лишь те, кому бог это разрешает. В 150 d 6–151 a 5 говорится, что, хотя сам ученик отвечает за «концептирование», однако Сократ разделяет с божеством ответственность за его роды и последующий прогресс. В 150 e 4–7 описывается «выкидыш» правильных идей, если ученики оставляют Сократа, и смерть «новорожденных» из-за плохого «кормления» — амплификация сравнения с повивальным искусством. Далее говорится, что среди тех, кто оставил занятия, а затем захотел вернуться к ним, божественный знак одних исключает, а другим позволяет дальнейшее усовершенствование (151 a 2–5). Между 151 d 2–151 a 6 также имеется терминология отношений *συνουσία*¹².

«Теэтету» посвящено и специальное исследование Д. Седли (D. Sedley)¹³, в котором также показывается, что Сократ в этом диалоге функционирует как повитуха платонизма: он задает правильные вопросы, вынуждает собеседников признаться в своем неведении, но останавливается, не давая определения знанию. Дескло (M.-L. Desclos) в связи с этим показывает, что анонимный и молчаливый собеседник Сократа в таких диалогах, как «Хармид», «Лисий» и «Государство» выполняет важную философскую роль, так как он своим молчанием создает диалогически пустое пространство, которое должен заполнить

¹² Tarrant H. Op. cit. P. 147–149.

¹³ Sedley D. The Midwife of Platonism: Text and Subtext in Plato's Theaetetus. Oxford, 2004. X, 201 p.

сам читатель, который таким образом оказывается в интерактивной позиции и провоцируется к мышлению¹⁴. При этом, как указывает Асерби (F. A. Acerbi), Платон имеет привычку приводить и все математические примеры в непрозрачной форме (Тим. 35 с–36 b; Гос. 546 b–d; 546 b 4; 587 с–d; 204 b–с; Закон. 737 е–738 а; 771 b–d;), требующей дальнейших самостоятельных усилий для их разъяснения и понимания, что ясно свидетельствует о сознательном и систематическом применении этого эвристического принципа¹⁵. Тем самым роль диалектики у Сократа — ассистировать другим в создании интеллектуального потока несмотря на собственную неспособность произвести своих концептуальных детей¹⁶ и способствовать тем самым — и едва ли не в первую очередь интеллектуальному «пробуждению» и развитию своих собеседников, т. е. получению ими преобразующего опыта-переживания, улучшающего и повышающего онтологию данного человека. «Теэтет», таким образом, указывает на неразрывную связь между прежней, сократической фазой текстов корпуса диалогов и новой, платонической, с ее развитым концептуальным аппаратом.

Автор «Феага», по-видимому, считает, что все апелляции к богу в связи с повивальным искусством Сократа (150 с–d, 151 d 1, 210 с 6–d 1) и божественному знаку (151 а 4), указывают на одну сверхчеловеческую Силу, которая может проявлять себя различным образом¹⁷. Здесь, как и во многих других диалогах Платона, Сократ эксплицитно понимается и репрезентируется как человек, руководимый божеством, которое действует посредством его и через него. И он сообщает, что эта Сила может совсем исключить кого-то из общества Сократа, может позволить просто находиться с ним, а может и активно помогать. Причем в 150 d 4 этого диалога содержится намек на отношение божественного соизволения не столько к самому факту «синусии», сколько к тому, принесет ли ее продолжение значительный прогресс, т. е. обладает прогностическим качеством. В любом случае, замечает Таррент, совместное пребывание должно быть достаточно длительным, чтобы определить, настолько ли «беременен» данный индивид, чтобы получить пользу от услуг Сократа. Если эмбриона нет, философ обычно советует обратиться с вопросами к другим интеллектуалам. Принимая во внимание все случаи божественного вмешательства в «Теэтете»,

¹⁴ Desclos M.-L. Aux marges des dialogues de Platon: Essai d'histoire anthropologique de la philosophie ancienne. Grenoble, 2003. P. 220.

¹⁵ Acerbi F. A reference to perfect numbers in Plato's Theaetetus // History of Exact Sciences. В., 2005. Vol. 59, № 4. P. 333.

¹⁶ Tarrant H. Op. cit. P. 148.

¹⁷ Joyal M. Op. cit. P. 83–89.

полагает Таррент, объяснением успеха обучающегося может быть божественная помощь вроде той, которая предполагается в *Евтифр.* 290 d–91 a¹⁸. Она же в первую очередь значима и для подлинной интеллектуальной беременности¹⁹.

Описывается также печальная судьба Аристиды, который за короткое время чрезвычайно много «прибавил» (*επεδέδωκε*, в самоулучшении), но, забыв роль Сократа в этом процессе, приписал все успехи самому себе и слишком рано покинул синусию мудреца. Связавшись затем с плохим обществом, он растерял всё, чему научился, убедился в собственном невежестве и стал вновь искать возможности вернуться к Сократу. В «Теэтете» (176 e–77 b) показано, что люди не замечают, как выбор неправых путей приводит к ассимиляции и пагубных парадигм. Оба диалога противопоставляют *συνουσία* с Сократом *συνουσία* с нечестными людьми. В случае восприимчивых индивидуумов их прогресс облегчается первым и задерживается последними. Ассимиляция божественного влечет за собой справедливость, тогда как несправедливость увлекает в противоположном направлении, поэтому решающее значение для молодых людей имеют доступные им ролевые модели²⁰.

При этом сам Сократ как всегда утверждает, что он «не мудр», хотя и является самым мудрым из людей по речению оракула. При этом древние греки почитали Богиню Мудрости, считая мудрость высшей ценностью и доказательством того, что человек также разделяет ее божественную миссию. Они верили в универсальный и божественный Логос, в котором видели источник мировой мудрости, которая дает возможность целенаправленных конфликтов и их разрешения. Именно это и положило начало концепции диалектики, или развития, происходящего от противостоящих друг другу сил, которые, однако, встречаются на более высоком онтологическом плане, на уровне ранее созданного и пронизывающего мир порядка, гарантированного Логосом²¹. И именно этот Логос, божество, вероятно, непосредственно транслирует людям мудрость и знания.

«Феаг» в этом отношении еще более эксплицитен, так как Аристид прямо сказал Сократу, что ничему у него не научился, но делал успехи (*επεδέδωκε*), когда был с ним, даже если находился не в одной с ним комнате, но в том же доме; прогресс был еще больше, когда он смотрел (130 d 8, e1) на Сократа, и наибольшим — если Аристид сидел рядом с

¹⁸ Ср.: *Joyal M.* Op. cit. P. 85.

¹⁹ *Tarrant H.* Op. cit. P. 139–140.

²⁰ *Ibid.* P. 140–141.

²¹ *Szczepanski J.* *Wisdom // Dialogue and Universalism.* Warszawa, 2003. Vol. 13. № 7/8. P. 7.

мудрецом и касался его: «Я делал успехи, когда находился вместе с тобой и даже если был с тобой не в одном и том же помещении, а всего лишь в одном с тобой доме; а еще более преуспевал я, когда находился с тобой в одном помещении, и уже гораздо больше, казалось мне, когда, находясь с тобой в одной комнате, я смотрел на тебя, говорящего, а не глядел в это время в сторону; самые же великие и многочисленные успехи сопутствовали мне, когда, сидя рядом с тобою, я тесно к тебе прикасался»²². Однако в компании других людей благотворное влияние Сократа постепенно исчезало (130 с 8), чего не было бы, будь дело только в аргументах и убеждении. Тем самым оба диалога — «Теэтет» и «Феаг» — подчеркивают, что влияние Сократа на его окружение было результатом не просто слушания, а особого опыта переживания его присутствия. Причем, как можно заключить по прямому указанию, содержащемуся в последнем диалоге, заметную роль в этом процессе изменения личности играет и демонический эротизм Сократа, его компетентность в науке любви, в которой он превосходит, по собственному признанию всех людей²³. Поэтому синусия, заключает Таррент, оказывается идеальным термином для описания его отношения с присутствующими, так как этот термин имплицитно скорее отношение с ментором, чем с лектором, учителем логики или любителем выпрашивать. Таким образом, успехи в диалектике не могут служить основанием для улучшения личности, скорее сам ее личностный прогресс обеспечивает успехи на пути диалектики²⁴. А вся работа убедительно показывает как теономность майевтики и пайдеи Сократа, так и важность прямого воздействия божества на людей.

1.1. Этические атрибуты бога в учении Сократа

Характер и содержание миссии Сократа как определявшейся исключительно божественным повелением, а также этические аспекты отношения бога и человека, экзаплифицированные в учении и жизни Сократа, рассмотрены в интернетовской публикации МакГрегора «Сократ, бог и благочестие»²⁵. В ней анализируется также отличие концепции бога Сократа от той, которая была общепринятой в Афинах

²² Платон. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 124.

²³ См.: Там же. С. 121; см. также: The roots of political philosophy: ten forgotten Socratic dialogues translated, with interpretive studies / Ed. Th. L. Pangle. Ithaca: Cornell Univ. press, 1987. С. 173.

²⁴ Tarrant H. Op. cit. P. 141–145.

²⁵ MacGregor L. Socrates, God, and piety // Mode of access: <http://humanities.byu.edu/philosophy/aporia/index.html/Fall 2001 /contentsto.html>.